

Глава 12. Муки несносных сорванцов

Над рекой Чу веял лёгкий бриз, гоня по воде искристую рябь. Солнечные блики дрожали и рассыпались в потоке. Ветер шелестел в листве коричных деревьев, срывая сладковато пахнущие лепестки, которые мягко оседали на голову сирийского хомяка.

Трое зверей и одно яйцо чинно сидели, образовав круг. В центре весело трещал костёр. Мокрая шерсть зверушек постепенно подсыхала, становясь пушистой. Над огнём, насаженная на вертел, висела птица с лазурным оперением и алым клювом.

— И надо же, какая воля к жизни у этой птахи, — проворчал Эр Пан, переворачивая тушку.

— Наконец-то заткнулась, а то орала без продыху, — вздохнул Сань Ва.

Они подготовились основательно: птицу щедро сдобрили приправами, и теперь в воздухе плыл густой аромат жареного мяса вперемешку с запахом подпаленных перьев.

Ещё четверть часа назад этот летун всю козырял связями: «Да вы хоть знаете, кто я?», «Вам конец!», «Цзюэжу за меня шкуру с вас спустит!» Птица явно не желала осознавать плачевность своего положения. Лишь спустя приличное время на огне силы её покинули, и бедолага свалилась в глубокий обморок.

— Скоро она там дойдёт? — Да Ша лениво уставился в небо.

— Туша здоровая, прожариваться будет долго, — рассудил Сань Ва.

— Вы тут приглядите за ней, а я схожу за теми деликатесами, что мы прихватили с собой, — предложил Эр Пан.

Хаски уже готов был кивнуть, но в глазах Сань Ва блеснул недобрый огонёк. Он внезапно вцепился в хвост Эр Пана.

— Слишком много чести. Я сам схожу.

Кот обернулся с крайне озадаченным видом:

— Сань Ва, ты что, мне не доверяешь?

— А? — хомяк невинно захлопал глазками. — Я не совсем понимаю, о чём ты.

Эр Пан покачал головой и тяжело вздохнул:

— Слушай, мы все здесь — взрослые животные. Я прекрасно вижу тебя насквозь. Раньше наши стычки были делом привычным, но пойми: хозяин переместился в этот мир, и перед нами стоит серьёзный вызов. Мы должны сменить амплуа домашних любимцев на статус верных помощников. Господин сейчас как никогда нуждается в нас. В такое время нужно забыть о внутренних распрах и больше доверять друг другу.

Кот поднял морду к солнцу. В его янтарных глазах, озарённых утренним светом, читалась искренность, приправленная лёгкой печалью из-за несправедливых подозрений.

Он посмотрел на хомяка:

— Третий брат, ну ты чего... Перегибашь.

Сань Ва виновато опустил голову:

— Я просто подумал, что раз уж мы выбрались, вам стоит отдохнуть, а я притащу еду. Хотел как лучше, а меня так превратно поняли...

— Ну... — хаски заколебался.

Хомяк помрачнел, и его охватила тихая тоска.

Сань Ва медленно поднялся, выглядя совершенно раздавленным:

— Все наши потасовки я никогда не принимал всерьёз. Думал, это просто способ укрепить узы между братьями и сёстрами. — Он запнулся и добавил надтреснутым голосом: — И только сегодня я осознал, кем вы меня считаете на самом деле...

Не в силах больше это терпеть, он поплёлся прочь от костра.

Да Ша в панике вскочил:

— Третий брат! Постой!

Но тот даже не обернулся. Хаски оставалось лишь провожать взглядом его одинокую, понурую фигуру.

— Пойду утешу его, — бросил Эр Пан и стремительно припустил следом.

Оставшись один, Да Ша уселся у огня, продолжая крутить вертел. На душе у него было тепло и радостно: «Всё-таки мы — одна дружная семья. Хорошо, что недопонимание осталось в

прошлом».

Тем временем «безутешные» кот и хомяк, скрывшись из виду, прибавили ходу. Они неслись к спрятанному узлу с едой со скоростью ветра, используя все свои способности.

Оба зверя были полны решимости: «Жратва будет моей!»

«Глупый пёс, — думал Эр Пан, — пусть сам давится этой горелой птицей. То, что готовит хозяин — вот истинное блаженство».

Кот злился: почему этому мелкому грызуну выделяют столько же деликатесов, сколько и ему? Это же вопиющая несправедливость! Он бросил свирепый взгляд на летящего впереди хомяка. Тот, разумеется, мгновенно просёк его замысел. «Хитрый крысёныш!»

Сань Ва внутренне ухмылялся. Только такой простофиля, как Да Ша, мог повестись на речи этого «зеленоглазого притворщика». Небось сам и предложил жарить птицу, чтобы выманить их от заначки. Столько лет знакомы — пора бы уже выучить повадки друг друга.

Как только еда оказалась в пределах досягаемости, Сань Ва широко разинул пасть. Несмотря на крошечное тельце, его рот мог растягиваться до невообразимых размеров, превращаясь в бездонную чёрную дыру. Он собирался запихать все запасы в свои защёчные мешки, стоит ему лишь первым дотянуться...

Бам!

Эр Пан длинным хвостом отшвырнул его к дереву и выпустил когти, целясь в мешок. Сань Ва, самортизовав об ствол, пулей взлетел коту на голову и вцепился в загривок.

Схватка обещала быть жаркой.

Цзян Чаншэн и ведать не ведал о драме, разыгравшейся у реки.

Цзюэжу повёл его к другой золотой жиле, вручив в качестве аванса несколько слитков уже очищенного металла.

— Полагаюсь на вас в этом деле.

С деревьев медленно опадали цветы корицы, путаясь в ветвистых рогах Цзюэжу. В мягком золотистом свете он выглядел удивительно благородно: изящные линии оленьего тела и

мудрая улыбка придавали ему ореол странной, неземной красоты.

— Вы слишком добры. На самом деле я и без вознаграждения был бы рад помочь, — ответил Цзян Чаншэн, в то же мгновение недрогнувшей рукой пряча сияющее золото в инвентарь.

Вспомнив о недавнем инциденте, он виновато улыбнулся:

— Прощу прощения за выходку моего друга.

Мо Ци лишь покосился на него, промолчав.

Чаншэн сделал вид, что не заметил взгляда, а Цзюэжу всё так же мягко произнёс:

— О крутом нраве господина Цюнци я наслышан. Скорее, это мне стоит благодарить его за милосердие. Кстати, здесь в горах живёт мой друг, Шуси. Он парень со сложным характером, так что если вдруг столкнётесь — не обессудьте.

Цзюэжу умел располагать к себе. Несмотря на то что подоплёка их встречи была ясна обоим, он не стал обострять углы, а напротив — подкрепил просьбу щедрым даром.

Цзян Чаншэну стало даже немного неловко. Поразмыслив, он добавил:

— Знаете, у меня есть знакомый практик. Он как раз из того же ордена, что и тот человек, которого вы ищете. Возможно, он что-то слышал. Я разужнаю при случае.

Правда, он не был уверен, когда Ли Хунгуан и остальные снова заглянут к нему на огонёк.

— Он же говорил тебе, — подал голос Мо Ци, — ты можешь отправить ему «облачное письмо» с вопросом.

— Облачное письмо?

— Ах да, забыл, что ты не умеешь. Но это поправимо.

С этими словами Мо Ци достал яшмовый амулет связи и, обучив Чаншэна, как им пользоваться, передал артефакт ему.

Когда сообщение было записано и отправлено, Мо Ци вскользь заметил:

— Вообще-то, ты уже прошёл стадию Закалки Ци. Тебе не мешало бы выучить пару-тройку

техник.

— Я уже практик?! — изумился Чаншэн.

Он и впрямь замечал, что стал сильнее и выносливее, но не задумывался о причинах. Впрочем, учитывая, что его ежедневный рацион состоял из продуктов, перенасыщенных духовной энергией, он фактически поглощал бесценные пилюли в огромных количествах. В его теле скопилось столько Ци, что, если её полностью усвоить, уровень развития подскочил бы в разы.

Только Чаншэн собрался расспросить подробнее, как впереди грохнуло.

Подняв голову, они увидели печальную картину: посреди изломанных деревьев и вытоптанной травы яростно сцепились два зверя. Там, где они проносились, не оставалось ничего живого.

— Странно, в последнее время на Гаотушань забредает слишком много чужаков, — нахмурился Цзюэжу. — Пойду разниму их.

Чаншэн присмотрелся. Что-то в этих дебоширах казалось ему до боли знакомым... Да это же...

Кот и хомяк, дойдя до точки кипения, внезапно заметили перед собой грациозное существо с оленьим телом и лошадиным хвостом.

Тот попытался их разнять, властно скомандовав: «А ну, прекратили!». Голос незнакомца был звучным и приятным.

Однако зверюги, разъярённые тем, что кто-то мешает их битве не на жизнь, а на смерть, мгновенно переключили агрессию. Они уже были готовы пустить когти в ход против миротворца.

Но тут подоспел Цзян Чаншэн. Увидев, что нарушителями лесного спокойствия оказались его собственные питомцы, которые к тому же собрались отдубасить Цзюэжу, он пришёл в неистовство:

— Эр Пан! Сань Ва! Вы что творите?! А ну, разошлись!

Звери мгновенно замерли. Цзюэжу стоял с потерянным видом, а на его красивом лице красовалась свежая царапина.

Чаншэну было больно на это смотреть. В этот момент он остро почувствовал себя тем самым родителем из прошлой жизни, который не знает, куда деться от стыда за своего несносного ребёнка.

— Ох... это мои питомцы. Совсем от рук отбились. Простите их, ради бога.

— Пустяки... — мягко ответил Цзюэжу.

— Эр Пан, Сань Ва, немедленно извинитесь! — Чаншэн приволок обоих за шкурки и поставил перед оленем.

Их вид в мгновение ока изменился. Теперь на Цзюэжу смотрели два глубоко несчастных существа с наворачивающимися на глаза слезами.

— Простите нас... — они понурили головы, воплощая само раскаяние.

Видя такую картину, Цзюэжу, конечно, не смог сердиться и принялся успокаивать разгневанного Чаншэна.

Весь обратный путь лавочник шёл мрачнее тучи. Кот и хомяк так и эдак ластились к нему, пытаясь задобрить.

— Хозяин, ну не сердись, я же виноват, — промурлыкал Эр Пан. — Мы вовсе не дрались. Мы просто птицу поймали, хотели тебя угостить, порадовать чем-нибудь вкусеньким.

— Да-да! — поддакнул Сань Ва. — Мы её уже поймали, Да Ша сейчас как раз жарит. Придётся — и сразу к столу!

Чаншэн, будучи великолепным поваром, да ещё и не голодным, не питал иллюзий насчёт их кулинарных талантов. Но, видя их старание, немного оттаял.

Он повернулся к Мо Ци:

— Ты проголодался?

Тот, молчавший всю дорогу, спокойно ответил:

— Можно и перекусить.

Чаншэн решил, что раз уж его «детки» доставили столько хлопот Цзюэжу, нужно загладить вину и пригласить того в ресторан.

Едва они вышли к берегу реки, как увидели Да Ша и Яйцо. Перед ними весело пылал костёр, над которым томила тушка какой-то жирной птицы.

Чаншэн поначалу не придавал значения её виду, лишь мельком отметил странность: лапы у неё были точь-в-точь как человеческие ступни.

Но тут раздался полный ужаса крик Цзюэжу:

— Шуси! О боги, что с тобой?!

Олень бросился к огню и выхватил полупрожаренную птицу из пламени.

— Шуси, очнись! Очнись же! — причитал он, едва не плача.

Чаншэн замер.

«Господи, дайте мне просто упасть в обморок...»

«Может, сдать их всех в приют?»

Мо Ци, стоявший за спиной едва не теряющего сознание Чаншэна, поддержал его под локоть. Глядя на его мертвенно-бледное лицо, он весело прищурился. Ситуация показалась ему донельзя забавной.

— Не спеши отключаться. Птица ещё дышит, живая она.

Эр Пан, поняв, что дело пахнет керосином, мигом схватил обгорелую птицу и швырнул её в реку.

Шуси, который как раз начал приходить в себя, в один миг переместился из адского пламени в ледяную бездну. Столь резкая смена температур оказалась выше его сил.

Бедолага окончательно вырубился.

Центральный Божественный Округ

Над горами разливался мелодичный звон колоколов. Среди клубящихся облаков то и дело мелькали тени летящих практиков.

Ли Хунгуан вместе с шишу Шэнь Сянем и группой учеников как раз направлялся к Куньлуньшань, когда почувствовал вибрацию амулета.

— Шисюн, что случилось? — спросил один из спутников.

— Сообщение от даоса Цзяна, — ответил Ли Хунгуан.

Шэнь Сянь удивлённо вскинул бровь:

— Того самого, что помог Дунфан Хаожаню прорваться в царство Зарождающейся Души?

— Шишу, вы не представляете, — вставил один из учеников. — Говорят, этот мастер — сошедший с небес небожитель. Его еда не только божественно вкусна, но и невероятно полезна для развития.

— В прошлый раз я не смог пойти, но в следующий — обязательно нанесу визит, — подытожил Шэнь Сянь.

О репутации Цзян Чаншэна в Ордене Сокровенного Духа уже ходили легенды. Ли Хунгуан открыл сообщение, и лицо его мгновенно окаменело.

Даос Цзян... почему он вдруг спросил об этом человеке?

— Что там такое? — заметил его состояние один из практиков.

Ли Хунгуан криво усмехнулся, в его голосе сквозила горечь:

— Даос Цзян спрашивает... знаком ли я с Шисюном И.

При этом имени все мгновенно смолкли.

И Чифэн.

Гений, достигший царства Истинного Бессмертного, первый в списке лучших учеников, гордость своего поколения.

Но неделю назад его именная табличка раскололась. Он погиб на Куньлуньшань, так и не успев передать весточку.

Неужели даос Цзян уже узнал о его смерти?